

ОТ АВТОРА ОБЛОЖКИ

Лиза Вайгулт

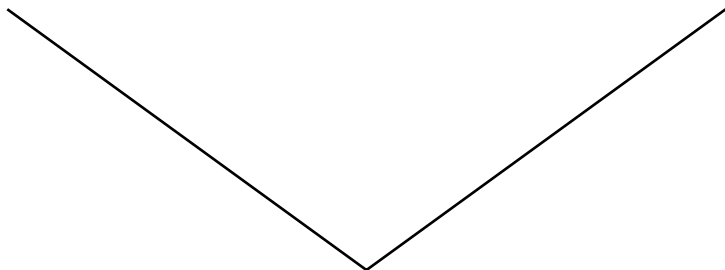
**Дизайнер в Департаменте корпоративных
коммуникаций Яндекса**

Обложка появилась как реакция на множество разных жизненных историй внутри книги Таши Муляр. Захотелось создать на обложке небольшой мирок, в котором при разглядывании будут рождаться новые взаимосвязи между героями и переключки между окошками. Показалось важным также сделать этот мир приглашающим к дальнейшему фантазированию о том, как могут развиваться жизни его героев.

Любовь без дублей

Истории-перевертыши, которые помогут по-новому взглянуть на жизненные трудности

Таша Муляр

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М90

Иллюстрация на обложке *Лиза Вайгульт*

Муляр, Таша.
М90 **Любовь без дублей.** Истории-перевертыши, которые помогут по-новому взглянуть на жизненные трудности / Таша Муляр. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. — (100 из 100).

ISBN 978-5-04-239874-2

Сборник историй о том, как самые обычные люди ищут в огромном мире свой собственный путь, любовь, дружбу. Как выносят важные жизненные уроки, пытаются понять ошибки, разочаровываются, но все-таки продолжают двигаться дальше и верить в лучшее.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-239874-2

© Таша Муляр, текст, 2023
© Давлетбаева В.В., иллюстрации, 2023
© ООО «Яндекс Музыка», художественное оформление, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Содержание

ЧАСТЬ I

Перевертыш	9
------------------	---

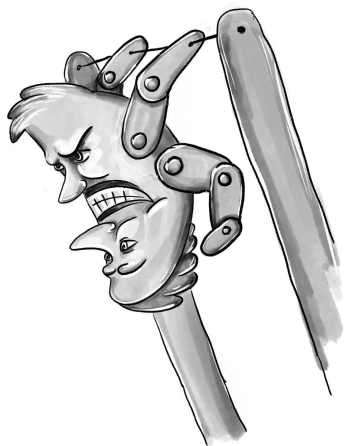
ЧАСТЬ II

Дети, которых мы не родили	91
Про Лиду, которая была очень одинокой, будучи замужем	106
История про Катю, которая не могла выйти замуж	123
Чужой на дачном участке	139
Чужое желание, или Как Ира ошиблась в новогоднюю ночь	151
Как Марина стала любовницей своего мужа и встретила Новый год не одна	162
Как успеть за новогодний стол, или Как важно опоздать вовремя	177
Толстенькая Оля и худенькая Тоня, или Сколько весит счастье?	184
Брусничные слезы	190

СОДЕРЖАНИЕ

Мамины судочки	200
Неудачное свидание	205
Откровение небес.	211
Предсмертная уборка	217
Сервиз	221
Пять платьев Беатрис	224
Непрощенная в воскресенье.	233
Ссора	244
Люди	253

Часть I

Перевертыш

Перед глазами мелькали темные скользкие стены туннеля, пролетающие за окнами вагона. Непривычно было ощущать себя среди такого количества людей, в самом эпицентре дневной давки — на Кольцевой даже в обеденное время много пассажиров. За последние годы Виктор отвык от метро, которым пользовался в студенческие годы: купив машину, позволял себе шиковать. Сейчас с деньгами было туго, заказчик находился на другом конце города, и в целях экономии Виктор воспользовался подземкой.

Он ехал в метро с очередной провальной встречи. Покупатель не только отказался внести вторую часть оплаты за товар, но и затребовал назад ранее перечисленные деньги.

В метро можно ездить по-разному. Одни торопятся, ничего не видят вокруг, несутся сломя голову, расталкивая своих сотоварищей по утреннему метро-спринту всеми частями тела. Это особое искусство — умудриться прокатиться в московском метро в час пик. Спасайся кто может! Момент, когда всем резко понадобилось в одно и то же место в одно и то же время, причем каждому туда нужно больше других. Приоритетов нет,

забыты все правила приличия, главное — ловко пропихнуться. Особенно тяжело девушкам на шпильках. Как они вообще умудряются выжить в этих экстремальных условиях да еще сохранить в целостности прическу, колготки и сумочку? А потом, вынырнув из пасти подземного перехода, отряхнуться, чуть поправить волосы, протереть туфли от следов мастодонтов и поплыть по улицам Москвы в сторону ближайшей кофейни эдакой павойлебедею, будто бы вышедшей из шикарного авто. Мاستерицы, одним словом!

Другие же, как наш Виктор, например, едут неторопливо, будто без цели, хотя и вправду его цели на сегодня закончились. Еще утро, а ехать уже никуда не нужно. Хотя нет, нужно — да некуда. Вот и накачивает круги по кольцевой, почем зря протирая вагонное кресло, обтянутое пессимистичным дерматином.

• • • • •

Витя родился в семье самых простых москвичей. Тут меня кто-то захочет поправить: мол, ага, «простых москвичей»! А Витя никак не влиял на место своего рождения, он родился сразу москвичом, и то, о чем некоторые мечтают и к чему стремятся, досталось ему изначально.

Почему москвичи так кичатся своим происхождением? А вот и не кичатся. Быть рожденным в Москве не хуже и не лучше, чем где-либо еще. Тебе ничего с неба само по себе не падает, хотя многие так ошибочно думают.

Отец и мать Вити работали в одном НИИ: туда они пришли еще совсем молодыми, после института, в котором и познакомились. Поженились, создали крепкую социальную ячейку, пусть не сразу, но родили сына. Про такую семью принято говорить «среднестатистическая». Ровненько так жили, работали, отдыхали, весь год копили по чуть-чуть. То мебель прикупят, то сыночка на море свозят. Все как у всех — средненько и серенько, без фейерверков и шампанского. Жили по строго заведенному графику. Утром — на работу, вечером — домой, ужин под новости по телеку, потом спать. В выходные — на рынок, продукты — по полочкам, уборка, променады вдоль достопримечательностей района, уроки, отбой.

Были у них и теплые семейные вечера, выкраиваемые из всей рутины бытия. Особенным событием было квашение капусты. В первую субботу октября, когда уже продают позднеспелую капусту, шли на рынок. Отец брал тележку — сумку на колесах. Витя терпеть ее не мог — какой-то позор с ней ходить, хотя везти назад пятнадцать килограммов капусты в ней было удобно, не поспоришь. Осенний рынок выглядел притихшим. Нет такого буйства красок и ароматов, как летом или весной. На всех рядах: морковь, лук, картошка, румяная свекла, и, словно сбежавшие снеговики, высятся крупные, почти белые капустные шары. Отец долго ходит, с чувством и толком похлопывает кочанчики — те радостно отзываются гулким уханьем из нутра, словно прося взять их с собой, — переговаривается с продавцами:

— Это «Слава» у вас?

— «Слава»-«Слава», бери, хозяин, крепкая, отличная капуста получится.

— Да поди врьшь, что «Слава»! Откуда ты ее привез-то?

— Мы из Тамбова приехали, свое хозяйство у нас, вот, хочешь — попробуй, жена сама квасит и квашеную тоже продает!

К слову сказать, «Слава» была у всех — этот факт удивлял Витю, ставя под сомнение подлинность слов продавцов. Устав выбирать и напробовавшись, отец наконец определяется и их заветные кочанчики укладываются в тележку. Потом брали толстенькую короткую морковь, обязательно с круглым кончиком. «Такая — самая сочная и сладкая!» — приговаривал отец, размещая морковь рядом с капустой. На самом верху гордо лежала пара килограммов «антоновки» — самых ароматных яблок на свете!

Далее они гордо везли свое богатство домой, где под звук телевизора все вместе резали, мяли и укладывали в десятилитровые эмалированные ведра пушистые белые перья, оживленные всполохами натертой моркови. На дно помещали яблоки — их очень любила мама: они за пару месяцев пропитаются рыжеватым капустным соком, станут восхитительно хрустящими и чуть газированными. Капусту плотно набивали в ведра, сверху мама выкладывала белое холщовое полотенце, накрывала тарелкой, вокруг которой через пару дней образовывалась рыжая морковная пена. Когда она усмиралась и появлялся прозрачный терпкий сок, мож-

но было пробовать. Ведра с капустой ставили зреть на балкон, там они и оставались даже в мороз. Здорово было вынырнуть в холод на балкон, впуская в комнату облако морозного воздуха, и набрать себе миску хрустящих витаминов.

Средний Витя средне учился в средней школе — самой обычной, районной. По правде сказать, это был старый район Москвы, застроенный и перестроенный в начале шестидесятых годов. В округе стояли блочные девяти- и двенадцатиэтажки, многие из них были кооперативными. Кухня пять метров и две комнаты, девять и пятнадцать, — предел мечтаний родителей, вступивших в кооператив и долгие годы гасивших взносы с каждой зарплаты.

Было ли некомфортно маленькому Витеньке в его мире? Нет. Он просто не знал другого. Как и все мальчишки, учился, гонял в футбол, прогуливал уроки, мечтал о велике, перепробовал массу кружков и, в отличие от остальных, нашел один, который пришелся по душе. Примерно в шестом классе мальчик не на шутку увлекся резьбой по дереву — с учителем повезло.

• • • • •

После пятого круга воспоминаний под шум подземки Витя решил наконец покинуть кольцевую ветку метро и следовать в сторону дома. Они привезли партию кофе для крупной сети кофеен. Но после дефолта в кофейнях упали продажи, товар завис, и заказчики решили расплачиваться по факту реализации. Вместо того чтобы доплатить за партию привезенного специально для них кофе,

милостиво разрешили оставить ее у себя на хранение, затребовав предоплату назад.

Очередная Лена ждала его только к ужину и только с хорошими вестями, которых опять не было.

Ему почему-то хронически попадались девушки с этим именем. Знакомясь с новой претенденткой на звание жены, он уже знал, как ее зовут, — Лена. Была даже мысль не начинать отношения, если имя сбудется. Да, с Ленами-Еленами не везло.

Ему было уже почти двадцать восемь лет; постоянной работы нет, семьи нет и света в конце этого бесконечного жизненного туннеля тоже нет. На дворе стоял 1998 год, в городе и мире после очередного дефолта было, с точки зрения многих, тревожно и бесперспективно. Рублевые накопления его родителей и многих друзей попросту обесценились. В течение нескольких месяцев курс рубля к доллару обвалился в три раза, инфляция взлетела до небес. А время «черного августа» запомнится на всю жизнь тем, кто всю эту самую жизнь копил и откладывал на черный день — который, собственно, и настал.

• • • • •

Перейдя в старшую школу, Витя начал кое-что понимать. В их девятый класс пришли новенькие. Они переехали в только что построенный современный дом из другого района Москвы. Их было несколько человек, и все отличались от обычных Витиных одноклассников. Какой-то особый лоск в них был. Родители новичков не вылезали из заграничных командировок, привозили

им какие-то непривычные вещи, а сами ребята ходили на дополнительные курсы, занимались с репетиторами, хорошо знали английский, легко пропускали уроки и дерзили учителям. Они сразу сбились в кучку и к себе никого не принимали — получилась эдакая местная школьная элита. Все девчонки сразу захотели с ними дружить, а ребята стали друг перед другом красоваться и выпендриваться, борясь за внимание элитной группы. У них водились деньги, они постоянно чем-то менялись, что-то доставали, перепродавали импортные сигареты, модные пластинки. Витю они к себе не принимали — он, по мнению лидера этой самой группы, был слишком сер и никчем.

В этот тяжелый период он спасался своим увлечением, хотя в классе никто этого не понимал и многие смеялись. После уроков он шел не домой, а к Павлу Петровичу в школьный полуподвал. Там находилась столярная мастерская, где проходили уроки труда у средней школы. Здание было старым, построенным в пятидесятом году — красный кирпичный фасад и белые колонны. Спускаешься по трем стертых ступенькам, а под ногами нет-нет да и попадетса веселый хрустящий завиток стружки. Влетаешь в класс, а там словно папа Карло трудится над своим Буратино.

Когда Витя в первый раз взял в руки перочинный ножик и под руководством Павла Петровича дотронулся до дерева, произошла магия — он так увлекся процессом, что не заметил, как пролетел урок. В его руках обычный кусок дерева постепенно, от урока к уроку, превращался в игривого котенка. Каждый из ребят вырезал своего